

...Жемчужина усмирения вод... Босс Хэ?

— Ты выглядишь действительно очень сексуально в этом костюме. Солнечный, энергичный, интеллигентный и аскетичный — послушай меня, в день выступления надень именно этот наряд!

— Я...

— Я уже пробовал, результат выше среднего, я бы поставил 85 баллов.

— Наконец-то ты выглядишь как молодой идол, излучающий позитив.

— В последнее время каждый раз, когда я думаю об этом, я начинаю чувствовать себя странно, как будто внутри меня горит огонь, который не может ни подняться, ни опуститься.

— Сяо Фэн, что для тебя самое гордое достижение в жизни?

— Для следующего номера, песни «Finale», я хочу пригласить одного гостя, чтобы мы исполнили её вместе. Этот человек — очень важный для меня партнёр, его мастерство в музыке вызывает у меня глубокое восхищение и уважение.

— А если это так?

А если это так...

Боль всё ещё продолжалась, но, возможно, Цзян Фэн постепенно привык к этой муке, и звон в ушах немного ослаб. Наконец вернув ощущение в тело, он понял, что весь был покрыт холодным потом, а ледяной холод от пола поднимался вверх, заставляя зубы стучать. Во рту стоял металлический привкус — то ли он неосознанно прикусил губу от боли, то ли действия Водного Дракона вызвали прилив крови.

С трудом он достал из кармана телефон и набрал номер Хэ Цзинлиня.

— Алло, Сяо Фэн?

Когда голос мужчины раздался в трубке, слёзы, которые Цзян Фэн сдерживал даже в самый острый момент боли, вдруг хлынули наружу. Его губы дрожали так сильно, что он не смог издать ни звука, только тяжело вздохнул, что прозвучало как два всхлипа.

— ...Сяо Фэн, что случилось? Ты плачешь?

Услышав этот вопрос, Цзян Фэн заплакал ещё сильнее. Он прикрыл рот рукой, продолжая лить слёзы, и мысленно ругал себя: «Чёрт, ну и что, что плачу? Просто невыносимо больно...»

Для Хэ Цзинлиня телефонная трубка молчала. Мужчина на мгновение замолчал, затем с некоторой тревогой произнёс:

— ...Подожди меня, я сейчас приеду.

Цзян Фэн сжал телефон в руке, и лишь через некоторое время хрипло произнёс:

— Хэ Цзинлинь... Если ты сейчас приедешь, мы, вероятно, действительно закончим.

Это был первый раз, когда Цзян Фэн назвал Хэ Цзинлиня по имени. Голос всё ещё дрожал от

боли, дыхание было тяжёлым, и это звучало невероятно душераздирающе.

Но тон его был серьёзным.

Все чувства были захвачены болью, весь мир отдалился, и в сознании возник голос этого человека. Первый раз было так. Второй раз было так. Голос этого человека был как луч света, который всегда рассеивал тьму, устраняя все преграды.

Сначала Цзян Фэн думал, что это действие Жемчужины усмирения вод. Он приглашал Хэ Цзинлиня на утренние пробежки, стараясь проводить с ним как можно больше времени, чтобы использовать силу, исходящую от Жемчужины, для подавления чудовища внутри себя.

Но на этот раз он понял, что это не так. Это было не из-за Жемчужины и не из-за того, что Хэ Цзинлинь мог избавить его от страданий.

Просто, когда боль была настолько сильной, что он даже не мог кричать, в самый отчаянный момент, он хотел услышать голос этого человека, получить его утешение. Только и всего.

Он не мог смешать поиск способа победить Водного Дракона и чувство принадлежности к человеку в глубине души. Если бы он использовал искренность Хэ Цзинлиня ради собственного спокойствия, он чувствовал бы такую вину, что больше не смог бы смотреть этому человеку в глаза.

Он хотел принять эти чувства. Ни в коем случае не из-за Жемчужины Хэ Цзинлиня, а из-за чего-то другого, смутного, но более чистого. Цзян Фэн чувствовал, что наконец ухватил какую-то грань, но если он сейчас поддастся искушению Жемчужины, эти драгоценные чувства снова ускользнут от него.

Поэтому они не могли встретиться. Он не мог сдаться.

На другом конце провода мужчина долго молчал, затем с лёгкой досадой вздохнул.

— Сяо Фэн... Могу ли я понять твои слова так, что если я сейчас не приеду, ты согласишься быть со мной?

Цзян Фэн на мгновение замер, затем, поражённый неожиданностью, закашлялся. Когда он наконец отдышался, его щёки слегка покраснели от кашля.

— ...Это просто буквальный смысл, разве ты не понимаешь? — пробормотал он.

С другой стороны раздался весёлый смех Хэ Цзинлиня, от которого лицо Цзян Фэна загорелось ещё сильнее.

— Ладно, ладно, я не приеду. Ты позвонил не только для того, чтобы сказать это, верно? Есть что-то ещё?

Цзян Фэн затаил дыхание и промолчал, а потом тихо произнёс:

— ...Я хочу услышать твой голос. Спой мне.

— Хорошо, — Хэ Цзинлинь несколько не удивился странной просьбе Цзян Фэна, затем спросил.
— Что ты хочешь услышать?

— ...Много слов. Спой что-нибудь.

Хэ Цзинлинь снова мягко рассмеялся, немного подумал и сказал:

— Я помню, когда я был маленьким и не мог заснуть, одна няня пела мне эту песню. Странно, но сейчас я даже не помню, как её звали или как она выглядела, но песню помню очень хорошо.

Хэ Цзинлинь, который всегда работал за кулисами, редко пел, и его мастерство было далеко от уровня Цзян Фэна. Казалось, он тоже нервничал, собираясь спеть для Цзян Фэна, несколько раз прочистил горло и запел простую и прямую мелодию.

Колыбельная, написанная мастером Хуан Цзы в эпоху Республики, которая передавалась из поколения в поколение, — «Слова западного ветра».

*

В прошлом году я вернулся, вы только что надели новые тёплые халаты.

В этом году я пришёл повидать вас, вы стали выше и крупнее.

Помните ли вы, как в пруду лотосы превратились в семена?

Цветам не стоит печалиться, что у них нет красок, ведь я окрасил все листья в багряный.

*

Голос Хэ Цзинлиня был далёк от идеала, и с профессиональной точки зрения его исполнение было очень грубым. Однако пение как форма музыки обладает удивительным свойством: оно не требует высокого мастерства, как игра на инструментах, и не отталкивает большинство людей. Любой, кто хочет петь, может спеть хорошую песню, если вложит в неё душу.

Низкий голос повторял изящную мелодию, нежно, почти как шёпот, словно любовные признания, произносимые рядом с возлюбленным. Детские слова песни заставили губы Цзян Фэна слегка приподняться, а мягкий голос постепенно облегчил головную боль, и даже чудовище в груди начало успокаиваться.

Как только боль утихла, огромная усталость сразу же стала заметной. Цзян Фэн упал на пол, почувствовав сонливость. Он закрыл глаза, положил телефон рядом с ухом, продолжая слушать пение Хэ Цзинлиня, и смутно произнёс:

— Красиво...

«Слова западного ветра» длились меньше минуты, и Хэ Цзинлинь пел её несколько раз, прежде чем остановиться.

— ...Сяо Фэн, в будущем не называй меня «боссом Хэ», просто зови меня по имени, хорошо?

Он долго ждал ответа Цзян Фэна, но услышал только ровное дыхание в трубке и понял, что тот уснул.

В ту ночь Цзян Фэн увидел сон. Ему снилось, что кто-то уложил его в кровать, вытер тело полотенцем, надел чистую пижаму, а затем нежно и страстно целовал его руку, словно выражая высшую степень обожания.

Ему снилось, что этот человек сидел на краю кровати, долго смотрел на него, его тёмные глаза

были полны нежности, но также и лёгкой грусти.

На следующее утро, когда Цзян Фэн проснулся, этого человека уже не было. Солнечный свет пробивался через белые занавески с цветочным узором, оставляя тёплый след на краю кровати.

Месячный срок подошёл к концу. На этот раз встреча была не такой случайной, как в прошлый раз: вся команда, работавшая над «Молитвой», собралась в студии Синьюй, чтобы решить, кто станет гостем.

У Синь на этот раз отказалась от девичьего стиля, её тёмно-красная блуза с рукавами-летучими мышами подчёркивала зрелый и величественный образ, а белые узкие брюки не только идеально подчеркнули стройность её ног, но и добавили ей решительности.

После последнего инцидента Цзян Фэн всё ещё старался держаться подальше от У Синь, но первоначальное отвращение к ней значительно уменьшилось. На этот раз, увидев её в новом образе, он тоже почувствовал себя впечатлённым. Когда они пожали руки, У Синь высокомерно приподняла бровь, её взгляд был полон вызова.

— Эй, красавчик, как прошли эти две недели?

<http://bllate.org/book/16452/1492495>